Эльф на полке

Автор:
Милена Завойчинская

Эльф на полке

Милена Валерьевна Завойчинская

Не зря простые обыватели опасаются цыган. Народ дорог и путей любому может преподнести сюрприз. Приобретая что-либо у них, будь готов к неожиданностям.

Можешь попасть в неприятности, а можешь влипнуть в сказочную историю. Лиза всего-то купила чудесную куклу. Эльфа, которого посадила на полку в своей квартире. А получила неожиданного соседа, приятные бонусы и кучу проблем.

Но сказки обязаны хорошо заканчиваться. И непременно с любовью. Вот и у Лизы это случится. Хотя и не сразу.

Милена Завойчинская

Эльф на полке

Погода была ужасна, девица-красавица была тоже отнюдь не прекрасна, а уж какое у нее было настроение – об этом лучше умолчать.

Я мрачно смотрелась в зеркало, прикидывая, что лучше.

Первый вариант: сдохнуть дома в му?ках, но никому не показываться на глаза.

Второй: загримироваться так, чтобы мама родная не узнала, спрятать «красу неземную» и таки поехать к стоматологу.

Третий вариант, самый быстрый: нацепить глухую балакла?ву. Жаль, ее нет.

Четвертый: соорудить непроницаемый конический колпак, как у последователей ку-клукс-клана. Можно пожертвовать на это старую наволочку. Прорезать в ней дырки для глаз – и вперед. В метро, правда, могут не понять…

Самый, казалось бы, логичный в подобной ситуации вариант – поехать на такси – отметался по вполне объективным причинам. Страшно мне пока что садиться в автомобиль. Не только за руль, а в принципе. Надо сначала очухаться и перебороть эту внезапно возникшую фобию.

Зуб не просто болел. О нет. Это было бы слишком гуманно для такой неудачницы, как я. Зуб дергал, ныл, сводил с ума. Но и это не всё. Как вам раздувшаяся от флюса щека и перекошенная физиономия? А если на этой физиономии еще синяк под глазом, а также ссадины и мелкие порезы на щеках, лбу и подбородке? Всё это – последствия неприятной, но не смертельной автомобильной аварии… На руках «украшения» тоже имелись, но это не так критично.

Нет, такое никаким гримом не спрячешь. Точно – колпак. И изобразить из себя весьма недоброе привидение. Если и руки прятать, то подойдет и старая простыня. Дырки для глаз, по бокам канцелярским степлером скрепить – и в путь.

В общем можно понять, отчего я страдала и физически, и морально.

– Опозориться, но вылечиться, или спрятаться от всех и помереть в страданиях? Вот в чем вопрос стоит отныне. Не то что у всяких гамлетов на чужбине… – мрачно, почти в рифму сообщила я своему отражению.

Девица с подбитым глазом, множеством мелких порезов и перекошенной рожей смотрела на меня весьма недобро. Она явно ненавидела весь мир.

Что ж, осознав, что гримировать тональными средствами всю эту нарядность бессмысленно, я натянула на голову бейсболку, на глаза – темные очки, после чего замотала нижнюю часть лица шарфом. Уж как сумела… Сверху капюшон пуховика.

Нет, все же простыня или наволочка с дырками для глаз были бы идеальны. Но, увы мне, я не настолько еще постигла дзэн, чтобы выйти в них в люди.

Пусть все считают, что я больна жутким вирусом и пытаюсь уберечь окружающих от заразы. Благо на улице та самая мерзкая погода, когда снег то тает, то снова ложится, чтобы тут же растечься противными грязными лужами. То вновь подмораживает, чтобы снова подтаять. Декабрь не радует… И где нормальная русская зима с сугробами и снегопадами?

От стоматолога я вышла растерзанная, с онемевшей от обезболивающих инъекций челюстью. И с всё такой же перекошенной физиономией. Да еще и рот до конца, кажется, не закрывается. Надеюсь, хоть слюни не текут, а то ж я ничего не чувствую.

Но имелась и капля удовлетворения: зуб удастся сохранить. Эта капля, правда, пока пребывала в глубокой заморозке и не менее глубоком шоке от стоимости лечения…

Но куда деваться? Всё лучше, чем лишиться части себя.

На выходе на своей станции метро я притормозила у разноцветно одетой цыганки неопределенного возраста, которая пыталась продать прохожим симпатичную куклу. Обычно таких сажают под новогодние елки. Всякие там щелкунчики, феи, эльфы, гномы и прочие сказочные персонажи. Вот эта мадам торговала изумительно красивым светловолосым эльфом в золотистом наряде. Даже странно, откуда у такой особы столь потрясающая кукла. Я не специалист, но готова зуб отдать… Ой нет, зуб не отдам. Короче, такие куклы считаются коллекционными и стоят весьма недешево. И размер довольно большой, высотой игрушка была сантиметров сорок.

– Ай, подхади, дарагая! – с характерным го?вором завела цыганка, увидев мой интерес. – Сматри, какой красавэц!

Я приблизилась и, чуть наклонив голову, принялась рассматривать эльфа.

– Бэри, дэвушка, не прагадаэшь!

– Ска?ка? – Губы и язык меня не слушались, и более членораздельно я выразиться не смогла.

Сняла солнечные очки, неуместно смотрящиеся в сумраке, приспустила со рта шарф, чтобы звук не глушил. Всё равно вокруг нас никто не притормаживал, людской поток стремился в тепло и уют. Да и шарахаются все обычно от рома?лэ, никому не хочется, чтобы ему заморочили голову и обокрали.

– Ай не дорого, красави… – увидев мое лицо, цыганка поперхнулась, но быстро взяла себя в руки, правда, растеряла акцент. Смысла играть на публику с такой убогой, как я, нет: – Сторгуемся, девушка.

– К овому оду ы деа маоа… – Попыталась я вслух размышлять, что к Новому году лучше бы не эльфа, а Деда Мороза.

Да и вообще, красив, конечно, неописуемо этот ушастый мачо, но лежать ему припрятанным на антресолях от Нового года до Нового года. А мне и так лечение обошлось в годовой бюджет небольшого африканского племени. Нет, жаба давит.

– А и нестрашно, краса… девушка. Ведь красивый! Ты погляди. Посадишь на полку. Будет тебя радовать… – не сдавалась она, стараясь продать свой товар.

А ладно! Мне, похоже, не только челюсть «заморозили», но и мозги.

– Ак скака?

Цыганка пожевала губами, потом недобро усмехнулась, сверкнув жгучими карими глазами, и тряхнула черной кудрявой гривой волос, на которой оседали снежинки.

– Сто рублей. Дешевле точно не найдешь!

Вот тут я с ней была согласна. Такая кукла явно стоит не одну тысячу… Глянула я на нее с сомнением, но обсуждать не стала. Вытащила из кармашка сумки купюру, получила взамен эльфа и побрела домой.

Дома я скинула грязные отсыревшие ботинки, не раздеваясь прошла в комнату и усадила свое приобретение на книжную полку. Кукла оказалась с шарнирами, у нее сгибались конечности и двигалась голова.

Вечер прошел как в тумане. Хорошо хоть, на работу утром не нужно. После аварии я взяла больничный. Хотя переломов и сотрясения мозга нет, но появляться с разукрашенным синяками и ссадинами лицом перед клиентами я не могла. Что они подумают о нашей компании? Шеф был со мной согласен и без разговоров отправил лечиться, дав много ценных, пусть и запоздалых советов. Мол, пристегиваться в машине надо, на красный свет не ездить, по сторонам смотреть, не забывать поглядывать в зеркала… Я согласно угукала в телефонную трубку во время нашего с ним последнего разговора и со всем соглашалась.

На готовку ужина сил не было. Да и какой, к чёрту, ужин в таком состоянии? Я вяло заварила ромашку, перебралась с чашкой в комнату, забилась в угол дивана и принялась скорбно отхлебывать дезинфицирующий, успокоительный и крайне полезный отвар.

Какое-то время тупо смотрела на мельтешащие картинки на экране телевизора. Только мозг, одурманенный бессонной ночью и лошадиной дозой обезболивающего, вообще ничего не воспринимал. Так что выключила я «черный ящик» и принялась упиваться своими страданиями.

В какой-то момент зуб и раскуроченная челюсть напомнили о себе, и я непроизвольно застонала, радуясь тому, что живу одна и можно никого не стесняться. Хочешь – стони, хочешь – реви, хочешь – вой…

Может, и правда повыть? На луну. А что? Волки существа умные, вдруг это помогает?

Впрочем, луны за тучами видно не было, а я еще не настолько сошла с ума. Так что только тихонько ныла от боли и покачивалась с закрытыми глазами из

стороны в сторону, держась за щеку.

– Никакой выдержки! – прокомментировал мои действия внутренний голос.

– Угу, – печально согласилась я и всхлипнула.

– Могу вылечить зуб. Или синяк. Или порезы, – флегматично предложило мое подсознание. – На большее за один раз сил не хватит. Что выбираешь?

– Зу-у-уб, – простонала я.

Ну да, разговариваю сама с собой. Ненормально, конечно, кто спорит? Но в моем-то состоянии….

Раздался тихий стук, словно небольшой предмет упал на ковер, после чего что-то прошелестело, и меня потыкали в ногу чем-то твердым.

– Подними меня или сама наклонись, – велел всё тот же мой внутренний голос.

Я приоткрыла глаза и сквозь выступившие слезы увидела сидящую на полу у моих ног куклу, купленную сегодня.

– Ну?!

Да-а-а! Оказывается, беседовать со своим подсознанием и внутренним голосом – это еще не шизофрения. Шизофрения – это когда с тобой разговаривает кукла в виде представителя сказочного народа. Ну или – учитывая, что в роду у нас никто в сумасшествии замечен не был, – у меня передоз лекарств, и я словила глюки.

– Так лечить или нет? – недовольно спросил игрушечный эльф. Причем фарфоровое лицо его не шевелилось, рот не открывался, а голос шел словно изнутри.

– Лечить… – проговорила я, смиряясь с тем, что у меня галлюцинации. Подняла куклу и расположила ее напротив лица.

– Лихано?до сель дира?н шизза?! – недовольно проговорил мой собеседник и ткнул фарфоровой ручкой меня в распухшую щеку. – Остальное завтра.

Точно, вот шизза ко мне и пришла. Самая настоящая. Я вздохнула и посадила эльфа рядом на диван.

Минут пять мы так и сидели. Он молчал, я тоже. И каково же было мое удивление, когда я вдруг осознала, что зуб больше не беспокоит. Вообще. Словно и не было почти суток сводящей с ума боли.

Я осторожно пошевелила челюстью. Потрогала щеку… Опухоль тоже спа?ла. По крайней мере, на ощупь.

Озадаченно покосившись на куклу, я слезла с дивана и прошлепала в ванную. Из зеркала на меня смотрела я. С фингалом и порезами, но без раздутой щеки. Дальнейшее обследование отражения показало, что хирургический разрез на десне затянулся без следа, а зуб… был здоров. Ну или просто таковым себя ощущал.

Галлюцинации… Или не галлюцинации? Наркотиками я никогда не баловалась, какой бред приходит в одурманенные головы, не знала. Но с другой стороны, это все же лучше, чем сойти с ума. Наверное…

Я вернулась в комнату, осторожно присела рядом с эльфом и уставилась на него.

– Спасибо, – проговорила неуверенно, так как тот признаков жизни не подавал.

– Не за что, – отозвался он и повернул голову ко мне. Вот точно как в фильмах ужасов, когда игрушка вдруг оживает и с горящими глазами идет на своего хозяина с ножом в руках. – Очень уж ты противно завывала. У меня нервы не железные.

– А-а-а… – Меня хватило только на это.

Нет, я, кажется, всё же крепко двинулась мозгами. Авария, флюс, наркоз…

– Звать как? – все тем же, доносящимся словно изнутри тельца, голосом вопросил он.

– Елизавета. Лиза, – подумав, представилась я. – А тебя?

Нужно ведь знать, как зовут мой личный глюк. Как это у шизофреников называется, когда они беседуют с видимым лишь им персонажем?

– А?львисс Селенди?н Дизаа?ль Верита?н Калено?д Верд.

– Это в смысле выбрать не можешь? – задала я глупый вопрос.

– Это в смысле, что у меня пять имен и одна фамилия. И видя твое дремучее невежество: фамилия – Верд.

– Н-да, – кивнула я. Даже галлюцинации у меня сегодня явно получили передозировку наркоза. – А какое из пяти имен предпочитаешь?

– Альвисс, – недовольно ответил игрушечный красавчик. – Или Селендин. Иди спать. На тебя смотреть противно. И помойся, от тебя лекарствами воняет.

Логично, в общем-то. Стойкий запах из кабинета стоматолога меня и саму преследовал. Поэтому, слегка безумно улыбнувшись, я ушла в ванную.

Когда вернулась в комнату через довольно длительный промежуток времени, кукла сидела не на диване, а на книжной полке. Именно там и так, как я ее и пристроила, когда только вошла в квартиру. Я постояла, вглядываясь в то, что купила у цыганки. Ни малейших признаков, что я только что общалась с этим… не знаю чем, не было. Кукла как кукла. Роскошная. Игрушечная.

– Дожилась… Так и совсем с катушек можно съехать с этими авариями, травмами, врачами и лекарствами, – пробормотала я, по дуге обходя эльфа на полке.

Отчего-то подойти и потрогать его было страшно.

Поминутно оглядываясь, постелила постель. Нервно вздрагивая, скинула халат и нырнула под одеяло. Даже не знаю, чего я больше боялась: того, что купленная у цыганки кукла снова заговорит, или того, что промолчит. Но в обоих случаях оказывается, что у меня проблемы с головой.

Утро я встретила на удивление выспавшейся. Порезы и ссадины на лице саднили. Нужно бы поаккуратнее с мимикой, чтобы не сорвать корочки. А то ведь шрамики останутся. Но в целом всё было неплохо.

Эльф обнаружился на той же полке. Вчера я его толком не разглядывала, не до того было. Наверное, следовало бы рассмотреть свое приобретение получше сейчас. Но я опасалась брать его в руки. Страх немного глупый, детский и иррациональный (ну вот как монстра из-под кровати бояться), но перебороть себя я не могла. Только постояла напротив, неуверенно поздоровавшись. А не получив ответа, выдохнула с облегчением и ушла завтракать.

День пролетел незаметно. Пользуясь внезапно появившимся временем, я затеяла генеральную уборку и расхламление, перетряхивая шкафы и полки, избавляясь от лишнего и вычищая всё, до чего могла дотянуться. Окно мыть не позволяла погода, но вот шторы я сняла, отправила в стирку и тщательно протерла карнизы и подоконники.

Когда стемнело, у порога квартиры стояло несколько черных полиэтиленовых мешков с барахлом, в ванной висели мокрые шторы, а я устала как собака.

Решив, что на сегодня я план выполнила и перевыполнила, приняла душ, переоделась в чистую одежду и прилегла на диван. По телевизору показывали мистический триллер, и хотя я не любительница подобного, под настроение пошло удачно, и фильм меня увлек. Ситуация на экране всё нагнеталась, главный герой решительно и целеустремленно расследовал сложную ситуацию, я честно боялась, как и задумывали сценаристы и режиссер…

Поэтому, когда меня вдруг требовательно потыкало в бок что-то твердое, я заорала от неожиданности и мухой слетела с дивана.

– Ненормальная? – спросил меня игрушечный эльф, неведомым образом переместившийся с полки на диван.

– Да твою ж… прическу! – выдохнула я, хватаясь за сердце, норовившее выскочить из груди.

– А что с ней не так? – с легким недоумением поинтересовалась кукла, соскочила на пол, прошагала до зеркального шкафа-купе и уставилась на свое отражение.

– Ы-ы-ы… – проскулила я, осознавая, что вчера был не глюк.

И сегодня не глюк, а самый настоящий мистический ужастик. И всё это в моей самой обычной квартире, посреди города-миллионника, в цивилизованной, местами почти европейской стране.

– Если не считать того, что сами волосы стали жесткими и неухоженными, всё с моей прической нормально, – мрачно известил меня эльф и вернулся на диван. Понаблюдал за мной, жмущейся у голого окна, и вопросил: – Долго из себя дурочку строить будешь?

Я промолчала. И нет, не потому что я тихая и скромная девушка, а потому что в обморок не хотелось. Убегать из своей собственной квартиры с криками ужаса тоже. Но было мне, мягко говоря, некомфортно.

– А… Альвисс? – с трудом вспомнив свои вчерашние галлюцинации, спросила я. – Селендин?

– Он самый. Так что? Сегодня надо тебя лечить? Или так и будешь словно кошка драная ходить?

– Лечить, – подумав, отозвалась я. И бочком, как краб, готовясь в любой момент дать стрекача, я начала пододвигаться к дивану.

– Да не бойся ты, убогая, – снисходительно произнесла кукла. – Сядь, я тебе порезы и ссадины уберу. А то ты такая страшная, что смотреть противно.

Глубоко вдохнув, я затаила дыхание, села рядом и зажмурилась. Ой, божечки, как же жутко-то!

– Лиханодо сель диран шизза! – повторил вчерашние слова игрушечный эльф и дотронулся до моего лица.

Я вздрогнула, но не пошевелилась.

– Ну? И долго будешь изображать трепетную жертву на алтаре? – спросил он через минуту.

Я приоткрыла один глаз, потом второй. После чего встала и прошла к зеркалу, чтобы взглянуть, что теперь с моим лицом. А на нем из всех последствий моих автомобильных неприятностей остался лишь фингал.

– Не глюк! – констатировала я, проверив кожу и убедившись, что даже розовых следов не осталось, не то что шрамов.

Кукла презрительно хмыкнула и отвернулась.

– Спасибо, – поблагодарила я, вернувшись на диван. Убрала звук у телевизора и развернулась к ней. – А ты… кто?

– Эльф. Разве это неочевидно? – Ответ прозвучал так, словно он говорил с маленьким ребенком или умственно отсталым взрослым.

– Да это как посмотреть… – пробормотала я. – Мне вот раньше не доводилось беседовать не то что с эльфами, но даже с куклами…

– Сама ты… кукла! – разозлился мой визави, слез с дивана, дошагал до противоположной стены, резко высоко прыгнул и уселся на прежнем месте, свесив вниз ножки.

– Альвисс, прости. Но пойми меня… – попыталась я извиниться и продолжить разговор.

Но, увы, признаков жизни он больше не подавал. Сидел на своей полке как самая обычная игрушка, и сколько я ни пыталась его разговорить, не реагировал. Снимать его оттуда я побоялась, а потому махнула рукой и отправилась сначала в ванную, где с наслаждением обмазала лицо сыворотками

и кремами, почистила зубы, а потом легла спать.

Перед тем как уснуть, долго прокручивала в мозгу происходящее. В то, что у меня шизофрения, верить не хотелось. Ведь зуб перестал болеть, и порезы залечились. Можно, конечно, предположить, что мне все это только чудится, но…

Поверить в то, что я купила у цыганки говорящую куклу, тоже было сложно. Больно уж неправдоподобно звучит. И если выбирать – шизофрения или волшебство, то лучше уж последнее. Хотя его вроде как не существует, но это не доказано.

Приняв это решение и осознав, что мне довелось столкнуться с чудом, я уснула. А утром попыталась разговорить Альвисса. Ничего не вышло, он признаков жизни не подавал.

Расстроившись, я продолжила домашние дела. Предстояло разобрать еще часть шкафов, в том числе книжный, а также письменный стол. И это только в комнате.

Хлам имеет свойство накапливаться, незаметно рассасываясь по жилому пространству, прячась в неприметные уголки. А когда вдруг решаешься на подвиг и начинаешь разбирать завалы барахла, то только диву даешься – откуда всё это? И главное, зачем оно хранится столько лет?

То же самое с одеждой и обувью. Вещи копятся, копятся, занимают всё выделенное для них место, при этом большую часть из них не надеваешь годами, если не десятилетиями. Но отчего-то не выбрасываешь… То времени нет, то думаешь, а вдруг пригодится?

Приняв волевое решение потратить внезапный больничный отпуск на полезное дело, я продолжила вычищать свое жилище от всего ненужного и неиспользуемого. Только сортировала для удобства: выбросить, отдать, продать. Заодно отмывала всё, до чего дотягивалась в процессе.

Изредка чудился направленный на меня взгляд. Но сколько бы я ни косилась украдкой на куклу, сидящую на полке, так и не смогла застукать ее за подглядыванием. К вечеру с разбором запасов постельного белья, полотенец и большей части гардероба было закончено. Осталось лишь перемерить энное количество одёжек, чтобы решить, оставлять или отправить в мешок с тем, что я точно никогда уже надевать не буду и избавляюсь.

Поеживщись, решила, что в комнате я переодеваться под взглядом фарфоровых синих глаз морально не готова, но и его брать и уносить жутковато. Так что утащила охапку вещей на кухню. Переоделась там в один из комплектов и вернулась в комнату, чтобы рассмотреть свое отражение в зеркальной двери шкафа-купе.

– Пиджак можешь оставить, всё остальное на помойку, – прозвучал голос Альвисса, заставив меня вздрогнуть.

– Думаешь? А мне кажется, что брюки не так уж и плохи, – отозвалась я, приняв решение ничему не удивляться. Что уж теперь.

– У тебя в них фигура, как у коровы, – нелюбезно прокомментировал эльф.

– Прямо уж как у коровы… – пробурчала я, но отправилась на кухню, переодеваться в следующую одежку.

– …В помойку. На тряпки – мыть полы. Отдать нищим. Спрятать так, чтобы никто не увидел этот ужас. Подобное даже нищие постесняются надеть… – вот такие характеристики я услышала обо всем, в чем приходила к зеркалу.

– Слушай, если ты так хорошо разбираешься, так, может, я и остальное перемеряю? Из того, что хотела оставить. Оценишь? – подбоченившись, огрызнулась я.

Тоже мне, игрушечный фантазийный критик.

– Примеряй, – разрешил он, ничуть не впечатлившись моим сарказмом.

Зыркнув на него, я сгребла из шкафа все вещи вместе с вешалками и уволокла на кухню. Место там уже освободилось, так как всё, что Альвисс жестоко раскритиковал, я засунула в черные пластиковые мешки, чтобы вынести завтра на свалку.

Нет, но каков нахал! Хотя вкус имеет, признаю.

– …Безвкусица. Убожество. Ты в этом похожа на поломойку. А в этом на старую деву. Это спрячь и никому никогда не показывай. Ну а в этом – шлюха из борделя… – Разбор полетов продолжался.

Я скрипела зубами, но, поразмыслив, признавала, что таки да, вещица не очень хороша.

В итоге от моего гардероба осталось меньше четверти, ибо критиком Альвисс оказался жестоким и беспощадным. Он одобрил лишь то, что мне шло безусловно и украшало мою фигуру.

– Раз уж я сегодня такой добрый, белье тоже выгребай и меряй. А то видел я твою ночную сорочку… Это не просто позор, а нечто настолько отвратительное, что я ничуть не удивлен, что ты до сих пор не замужем, – снисходительно процедила кукла.

– Белье?! – возмутилась я. – Не могу же я перед тобой в белье расхаживать!

– У тебя настолько уродливая фигура, что ты стесняешься? – вопросил этот… фарфоровый. – Или хвост прячешь?

– Какой еще хвост?! Просто это неприлично, показываться в белье перед посторонними!

– Неприлично надевать под одежду то убожество, что ты называешь бельем. И я тебе уже не посторонний. К тому же, что у тебя есть такого, чего я еще не видел у женщин?

– А много чего видел? – заинтересовалась я, забыв про обиду и возмущение.

– Да уж побольше твоего. Не тяни время, Елизавета. Меряй свое исподнее. Если уж избавляться от всего ужасного, то лучше сразу, одним махом.

Я подвигала челюстью и решила, что и вправду, не стесняться же мне куклу? Да еще такую циничную и наглую.

– …Позорище. Это отдай монашкам. А это бордельным шлюхам. Это выбрось, оно застиранно и в катышках. Это девочкам-школьницам… А в этом у тебя грудь плоская. Вот это оставь… А вот это никогда, ни при каких обстоятельствах не надевай при мужчине…

– Почему? – поинтересовалась я, рассматривая симпатичную пижаму с Микки-Маусом на груди.

– Тебе в деталях? – с сарказмом поинтересовался эльф. – Потому что вытянулась, шорты отвисают на заду, груди вообще не видно, рисунок для дошколят, и в целом – абсолютно невозбуждающе. Даже у сексуального маньяка начнутся проблемы с потенцией при виде женщины в этом.

– Ты преувеличиваешь, – хмыкнула я, но отправилась переодеваться в следующий комплект.

– А вот это вполне хорошо, – прокомментировала кукла мое очередное появление в комнате. – Вот в таком стиле и купи новое белье.

– Может, ты еще и выбрать поможешь? И новый гардероб, и белье? – не удержалась я от подколки.

– Может, и помогу, – ничуть не повелся на мою иронию Альвисс. – Не могу же я допустить, чтобы ты была похожа на чучело. Мне ведь на тебя смотреть постоянно придется. А такого и чурбан деревянный не вынесет, не то что я, с моей тонкой душевной организацией.

– Отлично! – усмехнулась я, проигнорировав всё остальное. Кажется, у меня появляется иммунитет против этой ядовитой язвы.

«Тонкая душевная организация»… Да небось его по жизни колотили за длинный болтливый язык.

Закончив и упаковав в раздувшиеся пакеты отбракованные пижамы, ночнушки и белье, я оделась в домашний комплект (одобренный, как ни странно), села за письменный стол и включила компьютер.

– Ну что? Приступим к выбору мне нового гардероба? Если повезет, завтра и доставит курьер. А то мне после сегодняшней сортировки даже на работу будет выйти не в чем.

Альвисс молча спорхнул с полки, прошагал через всю комнату ко мне, так же, не говоря ни слова, вспрыгнул на стол и сел лицом к монитору:

– Приступай, Елизавета.

И я приступила. На выбор новых вещей ушло несколько часов, пока мы пересмотрели все предложенные товары в нескольких крупных интернет-магазинах одежды и обуви. Со своей обувью я, правда, разобраться не успела, но по настоянию фарфорового критика подбирала пары сразу к выбранным комплектам вещей.

За время этого онлайн-шопинга мы успели переругаться, помириться, снова поругаться, обозвать друг друга:

– Безвкусная особа.

– Сноб надутый!

Но в итоге к четырем часам утра я оформила несколько заказов, так как в корзину нельзя было положить больше десяти вещей за один раз.

– А белье? – вопросил «сноб».

– Белье нужно смотреть в обычном магазине и сразу примерять. Так сложно угадать, чтобы подходила форма чашечек и ткань к телу была приятной.

– Ладно, так и быть, съезжу с тобой. А то ты опять выберешь нечто убогое, – словно делая мне великое одолжение, сообщил Альвисс.

Я открыла рот, чтобы огрызнуться, но тут он спросил:

– Что вылечить? Руки или синяк под глазом?

– Синяк! – тут же сдулась я. – А то даже из дома не выйти.

– Откуда столько порезов? – поинтересовался эльф, легонько коснувшись моего фингала: – Лиханодо сель диран шизза!

– В аварию попала, – пояснила я. – Казалось, что вроде и не сильно стукнулись, а лобовое стекло вдребезги, осколками посекло. Мне сказочно повезло. Считай, отделалась легким испугом.

Альвисс хмыкнул, но комментировать не стал. А я поняла, что как-то уже и не замечаю того, что фарфоровое кукольное лицо не имеет мимики, а голос идет изнутри. Очень уж богат интонациями он был.

– А ты… – вкрадчиво начала я, так как ужасно хотела узнать хоть что-то о кукле.

– Поздно уже. Спокойной ночи, Елизавета, – холодно перебил он меня, спрыгнул со стола, прошагал через комнату и взлетел на полку.

– Альвисс, спасибо, – окликнула я его. Но кукла снова стала просто куклой.

Я потерла уставшие глаза и отправилась спать.

Эльф на полке весь следующий день признаков жизни не подавал, так что я занималась своими делами, лишь поглядывая на него. К вечеру курьеры привезли всё заказанное ночью. Даже удивительно, как быстро. И что поразительно, все вещи подошли. Сидели хорошо и украшали меня. Сама бы я их точно не выбрала, так как считала, что это не моё. Ан нет! Взгляд со стороны оказался бесценен.

Правда, сумма общего счета впечатляла и заставляла задумываться о плохом. Но с другой стороны, давно пора было освежить гардероб. А зарабатываю я неплохо, могу себе позволить многое.

Развесив обновки в шкафу и поужинав, я переместилась на диван с книгой в руках. Устала, так как генеральная уборка – это серьезно и сил отнимает немало. Но зато я впервые за несколько лет реально начала приводить квартиру в идеальный порядок и выбросила уже почти всё, что было лишним.

– Что читаешь? – прозвучал неожиданный вопрос.

– Детектив, – отозвалась я, наблюдая, как эльф потянулся, будто человек после долгого сна, и спрыгнул с полки.

Он потоптался на полу, словно разминая конечности, после чего прошествовал через комнату и вскарабкался на диван.

– Ну хоть не любовный роман, – прокомментировал немного ворчливо. – Руки давай сюда, вылечу. А то с такими лапами в магазин белья идти стыдно. Затяжек на кружевах понаставишь…

Я послушно отложила книгу в сторону и протянула обе руки. Порезы и царапины и правда мешали, и с водой возиться приходилось в резиновых перчатках, чтобы моющие средства не разъели ранки.

– Лиханодо сель диран шизза! – произнес уже привычную «шиззу» эльф.

Руки закололо, но спустя пару секунд неприятные ощущения прошли, а кожа стала целой и здоровой.

– Альвисс, а ты не хочешь мне рассказать, кто ты и что ты? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Не твое дело. Имя я тебе назвал. Впрочем, я уверен, что ты, кроме Альвисса, ничего не запомнила.

– Н-ну… Еще— Селендин. А фамилия – Верд, – припомнила я.

– Ну хоть что-то, – хмыкнул он.

– И всё же. Расскажешь о себе?

– Нет, – невозмутимо отозвался мой собеседник и покачал ножкой.

– Может, я что-то могу для тебя сделать? В сказках обычно…

– А не старовата ли ты, Елизавета, чтобы верить в сказки? – повернулась и взглянула на меня фарфоровыми синими глазами кукла.

Я молча взяла книжный томик в руки, открыла на нужной странице и уставилась в текст.

– Обиделась, что ли? – не дождавшись от меня реакции, спросил Альвисс. – Сколько тебе лет?

– Двадцать пять, – после затянувшейся паузы отозвалась я.

– И что же ты можешь для меня сделать, Елизавета? – вопросило несносное создание, словно забыв о предыдущих словах.

Я дернула плечом, потому что не имела ни малейшего представления, что могу сделать для загадочной говорящей куклы.

– Я подумаю о том, что у тебя попросить, – сообщил мне эльф. – Спать ложись. Завтра утром поедем в магазин, выбирать тебе белье. Говорить я не смогу, буду передавать эмоции. Так что прислушивайся… Если ощутишь, что тебе дискомфортно в надетом, значит, не твое, снимай немедленно. А если почувствуешь внутреннее удовлетворение – бери.

Поход в магазин нижнего белья был… странным. Держа куклу в руках и не обращая внимания на продавщиц, смотрящих на меня, словно на

душевнобольную, я прошлась по рядам. Брала в руки приглянувшееся и вертела вешалку перед собой. Если откуда-то из глубины души приходило ощущение, что это точно брать не стоит, возвращала кружевную штучку на место. А вот если поднималась волна удовлетворения, то откладывала в корзину. И сразу скажу: то, что мне «нравилось» по ощущениям, ни черта не нравилось мне умом. Ну вот не носила я ранее такое…

Поразительно, но на мне идеально сидело, поддерживая грудь и делая облик соблазнительным, именно то, что я взяла по «наводке» своего фарфорового консультанта. А то, что я украдкой всё же кинула из привычного, на фоне предыдущего было… Отстой, короче, если сравнивать.

Эльфа я каждый раз отворачивала к стенке лицом, пока переодевалась, а потом разворачивала, чтобы он оценил меня уже в надетом комплекте. Что было им одобрено навеянными ощущениями, то и купила.

Вечером, не добившись от Альвисса ни слова, я снова уселась с детективом, а спустя полчаса он встрепенулся:

– Читаешь, Елизавета?

– Да. Ты надолго?

– Пока не знаю. Всё сложно, – туманно отозвался он и, спрыгнув с полки, опять дошел до дивана.

– А как сделать, чтобы ты дольше оставался живым? – задала я вопрос, откладывая в сторону книгу.

Он молчал долго. Я уже даже подумала, что опять впал в свою нежизнь, но тут эльф произнес:

– Кровь дашь?

– М-много? – уточнила я с заминкой.

– То есть тебя волнует только количество, а не то, что ты дашь мне часть своей жизненной силы?

– Н-ну… – вытянула я губы трубочкой. – Я донором была несколько раз. Так что ничего зазорного в том, чтобы спасти кому-то жизнь и поделиться своей кровью, не вижу.

– Это другое. Не боишься? Может, я монстр. Демон, заточенный в тело куклы…

– Не похоже, – покачала я головой. – Хотя характер у тебя, должна признать, совершенно отвратительный, за что ты наверняка огребаешь.

Альвисс совсем по-человечески фыркнул и отвернулся.

– Ты не замужем? Детей нет? – спросил через паузу.

– Нет. И нет.

– Девица?

– Вот уж нет, – хмыкнула я. – Мне ведь не восемнадцать лет.

– Ах да, четверть века уже прожила, ума не нажила…

Я только глаза закатила, посчитав ниже своего достоинства отвечать этому язвительному существу.

– Ладно, я согласен. Давай свои кровь и энергию. Я от твоего общества, конечно, не в восторге. Но всё лучше, чем сидеть безмолвной вещью на полке.

– Нет, вы на него посмотрите! – вскинулась я. – То есть это ты еще делаешь мне одолжение? А ничего, что я тебя выкупила у какой-то мутной тетки, приютила, пригрела, развлекаю. Разговариваю, словно ты настоящий, а не… – Я покрутила в воздухе рукой, не зная, как сформулировать.

– У шувани. Шувихани, – никак не прореагировал на мой экспрессивный выпад эльф.

– Что? – сбилась я.

– Не «мутная тетка», а шувани. Или правильнее – шувихани.

– И что это?

– Ведающая сокровенным знанием.

Я на некоторое время зависла, пытаясь сообразить, о чем мы говорим.

– Ведьма, что ли? – спросила наконец.

– Колдунья. Цыганская колдунья. – И столько злости, тоски и… чего-то похожего на смущение было в его интонации, что я решила промолчать.

В ведьм и колдуний я верила. Пусть их сейчас зачастую называли экстрасенсами, но суть от этого не меняется. Есть, есть особенные люди. Которым дано многое, и это «многое» – совершенно непонятное. А ромалэ вообще в своей массе народ, овеянный легендами и слухами, кочевой, пользующийся дурной славой, что уж там…

Сама удивляюсь, как это я притормозила тогда рядом с той женщиной. Будь я в трезвом уме, ни за что не заговорила бы с цыганкой. Слишком уж много случаев, когда они дурят головы и мошенничают.

– Так что? Даешь кровь?

– Даю. А как? Надеюсь, ты не собираешься как вампир пить ее из моей вены?

– Нет, в этом мире вампиров не осталось. Только энергетические, – совершенно обыденно, будто речь о картошке, осталась или нет, сообщил мне Альвисс.

Я сдавленно хмыкнула.

– И?

– Проколи палец, мне нужно всего каплю. Важна добровольная передача энергии, а не объем.

Проколола.

Пришлось сначала встать, сходить за иголкой, продезинфицировать ее лосьоном для лица, за неимением спирта и водки, и проткнуть подушечку пальца.

Кукла наблюдала за мной, сидя на диване. Жуткое ощущение, если честно. Ты ходишь, что-то делаешь, а за тобой следят стеклянные синие глаза игрушечного эльфа. Бр-р-р.

Когда я присела рядом и положила на колени руку ладонью вверх, чтобы палец с выступившей каплей крови был рядом с Альвиссом, тот оживился.

– Повторяй. Я, Елизавета, добровольно делюсь кровью и энергией с эльфом Альвиссом Селендином Дизаалем Веританом Каленодом Вердом. Согласна принять в ответ заботу и опеку. Подтверждаю взаимные обязательства и непричинение вреда.

Странная формулировка, на мой взгляд. Но ничего крамольного я не почуяла, так что повторила за ним.

Как только договорила, кукольная фарфоровая ручка смазнула каплю крови с моей кожи. А я почувствовала будто… Вот даже не знаю, с чем сравнить-то. То ли реактивная посадка истребителя, когда уши заложило, но при этом звон в них, к горлу подкатила тошнота, в глазах черные мушки. И всё это в один миг и резко. Ну или словно по голове тяжелой пуховой подушкой огрели так, что аж звон колокольный…

Неприятные ощущения. Очень!

– И долго ты будешь изображать из себя труп? – донесся до меня голос.

– М-м-м? – Всё, на что меня хватило. Похоже, я ушла в обморок и обмякла на диване после этого «ритуала» или что уж там сейчас было.

– Не прибедняйся. Не так уж много я и забрал. Я же не монстр и не нежить какая-нибудь. Понимаю, что с такой дохлятины, как ты, много не возьмешь.

– А кто ты, если не не?жить? Жить? – Мой голос проскрипел, будто несмазанные дверные петли.

– Жи?тей не существует. И не уходи от темы. Долго еще будешь валяться?

– О боже, до чего же у тебя мерзкий характер… – со вздохом и кряхтением я приняла сидячее положение.

Проморгалась, обвела взглядом комнату, в которой ничего не изменилось. Посмотрела на свое приобретение, от которого вроде и польза, но и переживаний полно.

– Ну?

– Что – ну?

– Я стал живее?

– Ты стал еще вреднее, – честно ответила я.

– Странно… – озадаченность была вполне искренней.

Эльф сполз с дивана и принялся мерить шагами комнату. Туда-сюда. Туда-сюда. Кстати, двигался он намного лучше. Не знай я, что это кукла и что вместо суставов шарниры, то подумала бы, что вот это вот… нарядное… что оно живое. Я даже головой помотала, отгоняя неуместные мысли.

Альвисс же продолжал метаться и бормотать что-то себе под нос.

– Думаю, нужно подождать, – остановился он напротив меня. – Твоя энергия должна прижиться. Она… вялая у тебя. Да и у меня тело. М-да.

Я только вздохнула. Ну что мне еще сказать? И так чувствую себя не в своем уме. А в чьем уме? А ни в чьем. Или в кукольном.

– А ты случайно не Щелкунчик? – спросила я, подтянув ноги на диван и положив подбородок на колени.

– Глупая женщина! Я эльф. Не видишь, что ли, что у меня прекрасный лик, а не деревянная челюсть для колки орехов.

– А жаль, – не отреагировав на грубость, посетовала я.

– Это еще почему? – с подозрением уточнил он.

– Щелкунчик пригласил девочку в волшебную страну и оказался принцем. Только им пришлось победить мышиного короля.

– Такая большая «девочка», – фыркнул Альвисс с иронией, – а всё еще веришь в сказки.

Я перевела взгляд на окно. Смотрела некоторое время на огни соседних домов, потом встала, потянулась и сообщила:

– Завтра будем наряжать елку. А сейчас я собираюсь лечь спать. Тебе помочь сесть на полку?

– Обойдусь, – буркнула кукла и ушла в угол.

Поутру я обнаружила его на той самой полке, которая как бы его личное пространство. Сидел, смотрел в пространство стеклянными синими глазами, молчал и не шевелился. Я постояла напротив, молча рассматривая удивительно тонкое и красивое фарфоровое лицо. Открыла даже рот, чтобы заговорить, но в последний момент передумала.

Больничный мой подходил к концу. Шеф, конечно, человек душевный, позволил мне отлежаться после аварии. Но совесть тоже нужно иметь. В конце года всегда множество дел, и было бы неплохо проявить сознательность и выйти на работу хотя бы на пару недель до Нового года. Помочь родному коллективу.

Но до этого нужно доделать всё дома.

А то как впряжешься, так и вспомнишь, что ты человек, а не тварь, дрожащая от усталости, лишь в последний день декабря.

Вот так, размышляя о работе и том, что нужно завершить, я занималась делами. С вещами и гардеробом-то я разобралась, всё лишнее выбросила. Но еще есть кухня. Которую тоже нужно вычистить. И не только саму кухню и шкафы, но и посуду, и прочие всякие штуки перебрать, отобрать нужное и целое, перемыть, протереть, выбросить ненужное.

И имеется лоджия, которая в наших суровых условиях и стесненных бытовых обстоятельствах является большой кладовкой, куда стаскивают всё, что «а вдруг пригодится». Выглянув в окно, оценив робкое неуверенное солнышко, я пошла утепляться. Начну отсюда. Может, найду коньки? Точно ведь знаю, где-то они были. Или на антресолях в коридоре?

О боже! Еще и антресоли!

Шеф, прости, дорогой, но мой дом мне дороже родной конторы. Я на больничном.

Пятясь раком, согнувшись в три погибели, я втаскивала в комнату свернутые рулоны заплесневевших обоев. Разогнулась. Потерла поясницу, снова нырнула в холодное нутро лоджии, потащила старые дерматиновые чемоданы, забитые покоцанными цветочными горшками, какими-то вылинявшими тряпками и всякой всячиной. Это бабушкино, похоже.

Как-то я упустила из виду, когда сюда заселялась, что не стоит позволять дорогим родственницам сплавлять к чадушку всё, что «вдруг деточке понадобится, а у меня как раз лежит бесхозное, а выбросить жалко».

Судя по всему, бо?льшую часть имущества, плотно упрятанного на лоджии, мама и бабушка натащили во время моего отсутствия, пользуясь запасной связкой ключей. И ведь молчали!

– Ты отвратительная хозяйка, – прозвучал за спиной голос, застав меня в позе раскоряки, «попой кверху». – Но вид открывается отличный.

– А ты отвратительно невоспитанный тип, – даже не повернув головы, буркнула я ответ.

Я, конечно, человек мирный, незлобливый и нескандальный. Но есть предел и моему терпению. И этот фарфорово-плюшево-гламурный нахал меня сейчас откровенно бесил.

– А мне и необязательно быть воспитанным, – ничуть не смутился он.

– А мне необязательно быть отличной хозяйкой. И вообще, я принцесса!

На этой ноте я убрала тыльной стороной ладони волосы с щеки, хэкнула от натуги и потащила.

– Мы по-едем, мы по-та-щим барах-ло к му-со-ро-бакам… – напевала я под нос на мелодию известной новогодней песенки. – И на лифте мы ворвемся да на первый на этаж. Ты узнаешь, что напрасно мусор долго ты копила…

Пришлось прерваться, чтобы отпереть входную дверь и выволочь хлам за порог.

– Увезу тебя я к ба?кам, что на улице ютятся. И тогда поймешь ты вдруг, почему к себе так манит, так зовет Полярный круг. Если ты порядок любишь, не разлюбишь никогда… – Прежде чем запереть замок, крикнула: – Альвисс, я скоро.

– Да-да, я слышал, у тебя свидание с мусорными баками, – долетел язвительный ответ.

– На свиданье с дворниками я уже лечу-спешу… – продолжила я напевать на всё ту же прилипчивую мелодию, импровизируя на ходу.

Я провозилась весь день, устала как собака, промерзла, но разобрала всю лоджию. Правда, как только начало смеркаться, что зимой происходит рано, пришлось вынести туда торшер, включенный в удлинитель.

Уже совсем поздно, приняв душ и поужинав, я лежала на диване, сложив ручки на животе, и изображала из себя…

– Тело бездыханное, – язвительно прокомментировал Альвисс.

– Мугу, – не открывая рта и глаз, промычала я.

Прошелестело, прозвучали шаги маленьких ножек, тонкий фарфоровый пальчик потыкал меня в плечо.

– И надо ли было так надрываться? Ты завтра не поднимешься и не разогнешься.

– Мугу.

– Принцесса, говоришь?

– Мугу.

– И где твое королевство, Елизавета?

– Мдесь, – притворилась я чревовещателем. Открывать рот было откровенно лень.

– И принц есть?

– Ы-ы.

– Что? А-а. Был?

– М-м-м…

Про «принца» я рассказывать не собиралась. Был да сплыл. Туда ему и дорога. Хотя свадебное платье я не стала ни выкидывать, ни продавать. Красивое оно и дорогое. И совсем не виновато, что Лешка – козел блудливый. Будет еще и на моей улице праздник, а платье уже – вот, висит, готовое к использованию. Со всеми бирками и в чехле.

Или продать?

Наверное, надо его примерить. А там и решу. Вот сейчас с силами соберусь, позвоню маме и попрошу завезти, когда поедет в мою сторону.

Мама у меня лютая дачница и лихой автомобилист, потому что доставлять рассаду, саженцы, лопаты, какие-то странные фиговины и разные штуки на чем-то нужно. Пришлось осваивать управление транспортным средством, так как бессовестная дочь в моем лице отказалась «возить саночки». Прямо так и заявила: «Любишь кататься с горшочками в тьмутаракань, люби и саночки – ой, автомобиль – водить. И бабушку катай тоже сама». И оплатила матушке курсы в автошколе, дополнительные уроки с инструктором и подержанную, но крепкую и просторную машинку с вместительным багажником.

– Значит, принц был, – не догадываясь о моих мыслях, констатировал Альвисс. – И что же? Сбежал?

– Не твое дело, – соизволила я ответить и открыла глаза.

– Гляди-ка, ожила, – хмыкнула кукла и вскарабкалась на меня. Уселась прямо на живот и уставилась в лицо. – Так что, удрал принц?

– Нет, я его отправила. Вот как обнаружила в постели с подругой, так обоих и отправила.

– Куда?

– Далеко и матерно.

– Да ты грубиянка. А что же насчет – слезы лить? А потом простить изменщиков? Дать второй шанс?

– Боженька простит. И подаст.

– Значит, к глупому всепрощению ты не склонна. Это хорошо. Не люблю тупых дур, которые согласны всё терпеть, лишь бы «милый» был рядом.

– А тебе-то какое до этого дело? – хмыкнула я. – Ты вообще кукла. К тому же мужского пола.

– Кукла… да… – пробормотал Альвисс. – Лежи и не двигайся. Полечу тебя, ты мне нужна сильной, а не скрюченной кряхтящей развалиной.

Я фыркнула, но спорить не стала.

Через минуту всё тело обволокла щекотная теплота, которая смывала усталость. Полежав еще немного, пока игрушечный эльф лечил меня своим волшебством или чем уж там он владеет, я спросила:

– Не хочешь рассказать о себе? Кто ты, что ты?

– Я уже говорил, Елизавета, это не твое дело.

– А чье? Кому до тебя вообще есть дело, если тебя продавала на улице старая цыганская ведьма? И готова была отдать первому встречному фактически задарма.

– Шувани!

– Без разницы. Рассказывай.

Игрушечный эльф долго молчал, рассматривая мое лицо. Потом хмыкнул и спросил:

– Ты веришь в магию?

– Ну, в тебя же я верю. Лежу вот, разговариваю с мыслящей куклой, которая при этом не андроид с искусственным интеллектом. При том, что, с точки зрения обыденности, физики, биологии и кучи прочих наук, это невозможно.

– А в другие миры веришь?

– Вот с этим сложнее. Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе… – процитировала я фразу из старого фильма про карнавальную ночь. – Лично мне не доводилось сталкиваться ни с другими мирами, ни с выходцами из них.

– Доводилось. Только ты этого не понимаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/milena-zavoychinskaya/el-f-na-polke

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить